

Раздался системный сигнал.

□Запущено побочное задание: Стать высшим сановником. В течение двух лет полностью взять под контроль императорский двор. Награда за выполнение: 50 очков.□

□Принять задание?□

— А-Цзэ...

Императрица, видя, что Линь Юйцзэ медлит с ответом, почувствовала укол боли. Если даже самый близкий человек не поддержит её, как она сможет идти дальше по этому пути?

— Хорошо.

— Я стану твоим первым министром.

□Побочное задание принято.□

\*\*\*

После того как просочились слухи о грядущих суровых наказаниях для чиновников и членов императорского рода в Цзяннани, при дворе воцарилась тишина. Все затаились в ожидании окончательного исхода, полагая, что Императрица не выдержит давления Великого секретариата и отступит.

Однако, когда она согласилась на прошение об отставке трех главных министров, ситуация взорвалась.

Последовавшие за этим новости повергли всех в шок. Пост первого министра заняла дочь Старейшины Линя. После масштабной чистки в секретариате Императрица на десять дней прекратила заседания, и в Бяньцзине закипели тайные страсти.

Поместье Линь.

Линь Чжэнбо сменил пышные одежды на простое фиолетовое платье, и в его выражении лица не было той подавленности, которую ожидали увидеть окружающие.

— Я-то думал, что мне придется провести на этой изматывающей должности еще добрый десяток лет, но кто бы мог подумать...

Он вылил остывший чай из чашки Линь Юйцзэ и наполнил её свежим настоем.

— Кто бы мог подумать, что волна, поднятая новым поколением в нашем доме, окажется такой мощной. Старой волне пора уходить — кхе-кхе.

Линь Юйцзэ, храня тяжелое молчание, не проронила ни слова.

Линь Чжэнбо, напротив, выглядел спокойным:

— Цзэ-эр, если ты стремишься помогать мудрому правителю, не вздумай слепо исполнять все приказы Императрицы. Я и представить не мог, что за годы обучения, пытаюсь воспитать послушного монарха, я выращу тигра. Как ни старайся, котенка из него не выйдет.

— У Императрицы великие амбиции, гораздо шире того, что она показывает сейчас. Но Великая Ся давно погрязла в пороках, и если она останется одна, боюсь, ей не под силу будет всё исправить.

Линь Юйцзэ по-прежнему молчала.

Линь Чжэнбо медленно продолжил:

— Это только начало. В Цзяннани вскрылось лишь малая часть проблем. В будущем Императрица наверняка захочет провести новые реформы или даже изменить законы. Цзэ-эр, в эпоху Западной Хань был такой чиновник по имени Чао Цо. Он практически сосредоточил в своих руках всю власть, настаивал на ограничении торговли и предлагал ослабить влияние удельных князей. Ты знаешь, чем он закончил?

Линь Юйцзэ, которая несколько дней не могла проглотить ни куска, с потрескавшимися губами ответила:

— Его казнили, разрезав пополам.

Линь Чжэнбо удовлетворенно кивнул:

— Раз ты понимаешь, мне больше нечего добавить.

Затем он добавил:

— Сейчас Императрица хочет отделить императорский род от государственной торговли, что равносильно лишению удельных князей их влияния. Ты ни в коем случае не должна настраивать против себя весь клан. Пока указы не вступили в силу, если хочешь удержаться на плаву, не загоняй ситуацию в тупик. Сюй Дэчжун и Лин Цзыяо — две важнейшие фигуры, которые я ввел во дворец. Сюй Дэчжун теперь главный евнух, тут и говорить нечего. Лин Цзыяо — левый главнокомандующий тыловых войск, в его руках пятая часть армии Великой Ся. Отныне я передаю их тебе. Если ты не искренна в своем служении Императрице... кхе-кхе...

Линь Чжэнбо вздохнул и умолк.

— Отец, ты винишь меня? — спросила Линь Юйцзэ.

— У детей свой путь. Родителям достаточно лишь подготовить для них обувь.

Линь Чжэнбо встал, подошел к дочери и потрепал её по голове.

— Твои достижения превзойдут мои. Семья Линь не будет стыдиться тебя.

Напевая под нос, Линь Чжэнбо вышел из чайной комнаты:

— Кто рассудит героев, кто взвесит успех?

Кто поймет, что скрывается в недрах веков?

Пусть потомки клянут или славят нас всех,

Я иду сквозь дожди и сквозь шквал ветров.

Сердце жаждет свершений, чтоб в летопись лечь,

Но за спиной лишь проклятий густая тень...

Линь Юйцзэ слышала эту песню на церемонии предков. Поговаривали, что её сочинил сам Император У, славившийся своим музыкальным талантом. Сейчас эти строки звучали особенно одиноко.

Когда-то Великая Ся была лишь крошечным государством на северо-западе, и именно Император У шаг за шагом превратил её в огромную империю. Но в кругах литераторов его оценивали лишь как жестокого тирана, разорившего страну бесконечными войнами.

\*\*\*

Императорский дворец, кабинет Императрицы.

— Цзян Ли, хотя я не мой отец и у меня нет такого груза ответственности, я обязана сказать: этот указ подписывать нельзя.

Линь Юйцзэ чувствовала себя беспомощной. Раньше ей казалось забавным, как секретари изощряются, пытаясь убедить Императрицу отменить приказы. Теперь же, оказавшись на этом посту, она поняла, что значит быть зажатой в тиски.

Очевидно, что перед Линь Юйцзэ Императрица была не так категорична в своем нежелании слушать отказы.

— Я знаю, но я не могу позволить Великой Ся сгнить в их руках.

Служанка, отвечавшая за уход за глазами Императрицы, старательно массировала ей виски. Линь Юйцзэ говорила, но выражение лица Императрицы оставалось невозмутимым. Если та на чем-то настаивала, Линь Юйцзэ было трудно возражать.

— И что же ты намерена делать?

— Я планирую отправить людей из Дун-чана взять под контроль Шибосы.

Линь Юйцзэ спросила:

— А как же императорские купцы и члены рода?

Императрица ответила:

— Императорские купцы больше не могут оставаться в руках клана. Я хочу передать их Цзиньивэй.

Линь Юйцзэ посмотрела на серьезную Цзян Ли. Та не шутила. С трудом выдавив из себя слова, она произнесла:

— Я... сделаю всё, что в моих силах.

Императрица отослала служанку, встала и села рядом с Линь Юйцзэ, положив голову ей на плечо.

— Я знаю, как тебе тяжело.

Линь Юйцзэ потянулась и взяла Цзян Ли за руку. Во дворце было мало людей, и здесь всегда царила пугающая тишина. Императрица всё чаще оставляла Линь Юйцзэ ночевать во дворце, и лишь согреваясь теплом друг друга, они могли почувствовать хоть какое-то подобие уюта.

— У меня осталась только ты, А-Цзэ. Только тебе я могу доверять.

В ладони Линь Юйцзэ всё еще чувствовалось тепло, но на сердце было холодно.

\*\*\*

До того как указ вступил в силу, оставалось несколько дней, и Линь Юйцзэ должна была использовать это время.

В резиденции зятя императора Линь Юйцзэ была вынуждена извиниться перед братом и

попросить о частном разговоре с Пятой принцессой. Линь Юйчи удивился: неужели есть что-то, о чем нельзя сказать при нем? Словно между ним и младшей сестрой пролегла невидимая преграда.

Когда Линь Юйчи ушел, лицо Пятой принцессы помрачнело. Среди императорских купцов больше всего ресурсов контролировала сестра покойного императора и тетка нынешней правительницы — Великая принцесса Юннин. Вчера Пятая принцесса пыталась встретиться с ней, но её не пустили на порог.

— Тетка, похоже, решила порвать со мной всякие связи. А-Юй, на этот раз ты погубила меня, — горько усмехнулась принцесса.

Линь Юйцзэ, однако, была иного мнения:

— Ситуация накаляется, но безвыходных положений не бывает. Сейчас идеальный момент. Невестка, вы никогда не считались главой клана, но когда Цзиньвэй и Дун-чан вмешаются в дела купцов, вы сможете воспользоваться случаем и прибрать всё к рукам.

— Но ведь Императрица прямо запретила роду вмешиваться в торговлю, как мне это сделать?

— Цзиньвэй — грубые люди, они не смыслят в управлении. Я предложу оставить членов клана в качестве помощников, а Цзиньвэй будет лишь осуществлять надзор. Что касается Шибосы, там Императрица ставит Дун-чан, тут я бессильна.

Пятая принцесса не знала о связи Линь Юйцзэ с Дун-чаном.

Они договорились. Уходя, Линь Юйцзэ не заметила, как Линь Юйчи пытался что-то сказать, но так и не решился.

Когда Императрица возобновила утренние аудиенции, первым же делом Линь Юйцзэ, как новый первый министр, объявила о реорганизации Шибосы в Цзяннани и смене всех управляющих императорской торговлей.

Стоя во главе чиновников, ближе всех к Императрице, Линь Юйцзэ в парадном облачении первого ранга вышла в центр зала. Поклонившись правительнице, она повернулась к сановникам и начала медленно зачитывать указ. Каждое слово отдавалось эхом в тишине дворца. На её лице не дрогнул ни один мускул.

Линь Юйцзэ стояла между Императрицей и двором: за её спиной была власть, перед ней — высокопоставленные чиновники с разными намерениями.

Закончив читать, она подняла голову и обвела взглядом присутствующих. Кто-то осмеливался смотреть ей прямо в глаза с вызовом, презрением или гневом, другие же поспешно опускали головы. Были и те, с кем она почти не общалась, но чей взгляд сейчас выражал некую

благосклонность.

Похоже, там, где есть враги, найдутся и друзья.

Эффект от указа проявится лишь после его исполнения. Линь Юйцзэ спешила успокоить наиболее влиятельных членов рода: пока они не поднимут бунт, всё можно уладить.

Что касается чиновников из Партии Дунлинь, связанных с Цзяннанью, они полностью прекратили общение с ней. Потеря доли в морской торговле была для них как нож по животу, и теперь их общей целью стало свержение Линь Юйцзэ.

Положение семьи Линь стало неловким. Линь Чжэнбо, как бывший лидер, был смещен ради защиты интересов Дунлиня, но его дочь пошла наперекор всем.

Всё оказалось не так плохо, как думала Линь Юйцзэ: настроив против себя половину двора, она приобрела симпатии другой половины. Хотя большинство сановников были родом из Цзяннани, было немало и других. Партия Ци из Шаньдуна, Партия Чу из Хубэя, Партия Сюань из Аньхоя и Партия Кунькунь из Цзянсу, теснимые Дунлинем, постепенно начали объединяться.

Особняк Линь Юйцзэ, который после периода затишья вновь наполнился гостями, принял новых союзников.

Изначально при дворе не было столько партий, но после того, как Дунлинь начал давить на чиновников из других провинций, те сплотились в ответ.

Линь Юйцзэ пережила тяжелые времена. Указы Императрицы теперь проходили стадию обнародования без препятствий, но вот с их исполнением всё было куда сложнее.

При проверке налогов данные противоречили друг другу. При строительстве дамб — то материалы дорожали, то случались наводнения, разрушавшие недостроенные укрепления.

Она увольняла чиновника за чиновником, но новые назначенцы оказывались связаны с тем же Дунлинем.

Поздней ночью в кабинете Линь Юйцзэ лежала папка с указом, написанным еще несколько дней назад. Она колебалась, не решаясь подать его Императрице. Большинство чиновников были негодны, и использование евнухов для укрепления власти было самым быстрым путем, но с ужасными последствиями.

Раньше евнухов отбирали тщательно, но сейчас, в условиях кадрового голода, такие стандарты были невыполнимы.

Линь Юйцзэ боялась, что в ряды Дун-чана просочатся проходимцы, и убедила Императрицу издать указ: тех, кто оскотил себя сам ради попадания во дворец, не принимать.

Но теперь она оказалась в ловушке. Ежедневно она получала десятки доносов: её обвиняли в попустительстве семье, в притеснении народа, в захвате земель. Были и обвинения в моральном разложении, коррупции и взяточничестве.

Документ, лежавший сейчас перед ней, отменял запрет на прием добровольцев, оскотивших себя самостоятельно. Это был ящик Пандоры. Партийная борьба стала неизбежна: либо падет Дунлинь, либо погибнет она сама.

<http://bllate.org/book/19929/1961115>